

В. И. Первушкин

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1830–1890-е гг.:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация.

Актуальность и цели. Возрождение культурных традиций провинциальной России является необходимым условием начавшегося социально-экономического подъема страны сегодня. Изучение краеведческого движения в России XIX в. позволяет выявить специфику каждого региона страны, что помогает максимально использовать природные и трудовые ресурсы. Опыт работы губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий будет полезен как государственным учреждениям, так и общественным организациям. Цель работы – выявить предпосылки формирования исторических знаний в российской провинции в 1830–1890-е гг.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Пензенской области, а также анализа историографических источников по проблеме. Методологический потенциал включает: базисные принципы научного познания – историзм и объективность, герменевтику как метод интерпретации текста, историко-ситуационный метод, что предполагает оценку события и явления, исходя из реальной конкретно-исторической ситуации, и в известной степени абстрагирует исследователя от влияния научных стереотипов и методологических штампов.

Результаты. Исследована проблема формирования провинциальной интеллигенции – социальной базы историков-любителей, консолидирующихся вокруг губернских статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий, инициировавших краеведческое движение в России в XIX в. Выявлена специфика этого движения в Пензенской губернии. Доказана эффективность применения историко-ситуационного метода для решения исследовательских задач. Рассмотрены особенности создания региональных краеведческих исследований.

Выводы. В ходе анализа рассматриваемой проблемы выявлена недостаточная изученность российской провинции XIX в. Определены приоритетные исследовательские направления научной проблемы: влияние университетских историков на формирование краеведческих знаний в российской провинции; роль губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий в формировании краеведческого движения в России; вклад отдельных краеведов-любителей в формирование исторических знаний в российской провинции.

Ключевые слова: российская провинция, исторические знания, краеведческое движение, губернские статистические комитеты, губернские ученые архивные комиссии.

V. I. Pervushkin

**SOCIAL-POLITICAL PRECONDITIONS OF FORMATION
OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN RUSSIAN PROVINCES
IN 1830s–1890s: PROSPECTS OF STUDYING THE PROBLEM**

Abstract.

Background. Revival of cultural traditions of provincial Russia is a necessary condition of the commenced social and economic lifting of the country today.

Studying of the local history movement in Russia in the XIX century allows to reveal specifics of each region of the country that helps to use natural and human resources as much as possible. The experience of provincial statistical committees and scientific archival commissions will be useful both to public institutions, and to public organizations. The work purpose is to reveal preconditions of formation of historical knowledge in Russian provinces in 1830s–1890s.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved through the use of the documents taken from funds of the State archive of the Penza region, and also the analysis of historiographic sources on the subject matter. The methodological potential included the basic principles of scientific knowledge – historicism and objectivity, hermeneutics as a method of interpretation of the text, the historical and situational method that assesses an event or a phenomenon, proceeding from a real concrete historical situation, and, to a certain extent, abstracts the researcher from the influence of scientific stereotypes and methodological stamps.

Results. The author studied the problem of formation of the provincial intellectuals – a social base of the amateur historians, consolidating about the provincial statistical committees and the provincial scientific archival commissions, who established the local history movement in Russia in the XIX century. The specifics of this movement in the Penza province was revealed. The efficiency of application of the historical and situational method for solving the research tasks was proved. The features of creation of regional local history researches were considered.

Conclusions. During the analysis of the problem under consideration the author revealed insufficiency of the level of study and knowledge of Russian provinces in the XIX century. The author defined the priority research directions of the scientific problem, such as the influence of university historians on formation of local history knowledge in the Russian provinces; the role of the provincial statistical committees and the scientific archival commissions in formation of the local history movement in Russia; the contribution of certain amateur regional specialists into formation of historical knowledge in the Russian provinces.

Key words: Russian province, historical knowledge, local history movement, provincial statistical committees, provincial scientific archival commissions.

Вторая треть XIX в. характеризуется разложением хозяйственной системы крепостничества. Оставаясь главной отраслью экономики России, сельское хозяйство развивалось крайне медленно. Между тем рост промышленности требовал расширения сельскохозяйственного производства. Очевидными становятся преимущества наемного труда рабочих. В стране начинается промышленный переворот. Эти процессы сопровождались изменениями социальной структуры страны. Поэтому шаги по созданию сетей ведомственных ученых подразделений в провинции вызывались вполне объективными потребностями центральных административных органов как в получении необходимой информации с мест, так и стремлением повысить технический уровень производств, находившихся в сфере непосредственного государственного интереса.

Однако по своим последствиям эти мероприятия центральных правительственных органов далеко выходили за рамки прагматических ведомственных задач. Стимуляторами процесса активного формирования провинциальной интеллигенции явились разнообразные общественные центры, в том числе научные общества, к числу которых относятся и открывавшиеся в 1830-х гг. губернские статистические комитеты. Вместе с тем отсутствие

сложившихся образованных кадров за пределами столичных центров было сдерживающим фактором в развитии подобных структур в российской провинции.

Шаги, предпринимаемые Д. Н. Блудовым на посту министра внутренних дел (1832–1839), включали в себя комплекс мер, направленных на совершенствование губернского звена управления, но не только путем усиления властной вертикали: разработка «Наказа» гражданским губернаторам, организация полицейских станов в уездах и т.п. Важным и весьма значительным по своим последствиям шагом явилось решение об издании «Губернских ведомостей» [1], где начали публиковаться краеведческие материалы.

Развитие исторической науки во второй половине XIX в. во многом было обусловлено кардинальным изменением общественно-политической ситуации в стране, начавшимся после Крымской войны. Отмена крепостного права не только освободила крестьян, дала мощный толчок общественному движению в стране и росту провинциальной интеллигенции, она раскрепостила в той или иной степени все без исключения социальные слои общества, словно замороженные эпохой Николая I. Исследователи справедливо отмечают «крепостной характер административно-хозяйственного строя местного управления» в дореформенное время и то, что сильнее всего контролировалась жизнь низших слоев общества [2, с. 1].

В новую историческую эпоху, писал К. Н. Бестужев-Рюмин в своей программной статье 1859 г. «Современное состояние русской истории как науки», первым требованием к историку является «...необходимость проникнуться духом того народа, историю которого он пишет, показать существенные элементы народного характера и из памятников старины восстановить живой образ народа» [3, с. 3].

Новую науку должны были делать и новые люди. Приток с 1860-х гг. демократически настроенной молодежи, в значительной мере разночинной по происхождению, в университеты и на кафедры позволил существенно обновить преподавательский состав учебных заведений России. По своему социальному составу значительная часть студентов университетов – разночинцы, выходцы из духовенства и других слоев общества. Однако количества готовящихся специалистов с высшим образованием было явно недостаточно для огромной империи. Необходимо учесть и то, что значительная часть их оставалась работать в столичных центрах. Даже в близких к центру страны губернских городах – Рязани, Туле, Твери – людей с университетским образованием можно было в 1860-е гг. перечесть по пальцам, не говоря о таких городах, как Пенза. Вот поэтому такую значительную роль в провинции сыграли в исторических исследованиях люди, имевшие хоть какое-то образование. Это с одной стороны. С другой – священники, врачи, учителя, чиновники увлеченно занимались историей, археологией и этнографией, не имея никакой конкуренции. Ведь специалистов с гуманитарным образованием было еще меньше.

Для того чтобы жизнь народа смогла стать объектом изучения местной интеллигенции, последняя должна была, с одной стороны, находиться достаточно близко к нему, чтобы уметь наблюдать и уметь понимать народную жизнь (хотя бы в этнографическом аспекте), а с другой стороны, уже быть отстраненной, отчужденной от изучаемых ею слоев общества.

Такого рода требованиям отвечала русская разночинная интеллигенция второй половины XIX в., к которой мы относим сыновей купцов и мелких

чиновников, большое количество бывших семинаристов, бедных мещан, прочих выходцев из городских сословий. Действительно, по своим политическим воззрениям эти люди были очень многолики: от защитников народа – глашатаев крестьянства до «маленьких людей» – людей колеблющихся, аполитичных, а также группы людей, настроенных консервативно-охранительно.

Если этим людям удавалось «проложить себе дорогу» в жизни: стать учителем, священником, врачом, ученым, то этим они обязаны были только своему природному уму и упорному труду. Достигнув же определенного положения в обществе, многие из этих людей проводили многообразнейшую просветительную работу в народе. Они испытывали своеобразный комплекс вины перед народом. Обращение к любительским занятиям историей во второй половине XIX в. нескольких тысяч представителей провинциальной интеллигенции России невозможно объяснить, не поняв идейного воздействия народничества на этих людей.

Феномен народничества осмысливался в нашей научной литературе советского периода очень активно. Но основная масса исследований посвящена либо революционным организациям народников, либо политически активной части народнической интеллигенции. Между тем влияние идей народничества (в широком понимании этого слова) в той или иной мере ощутила значительная часть разночинной молодежи второй половины XIX в.

Философ С. Л. Франк, с нашей точки зрения, преувеличенно политизируя эту тему, в целом справедливо отмечал, что народничество, в широком смысле слова, не определенное социально-политическое направление, а широкое духовное течение. «По своему этическому существу русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остается упорным и закоренелым народником. Его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели, соединенном с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам. Эту народническую душу русский интеллигент сохранил в неприкосновенности в течение ряда десятилетий... до последних дней народничество было всеобъемлющей и непоколебимой программой жизни интеллигента...» [4, с. 188–189]. Безусловно, русское народничество было не столько идеологией, сколько способом мышления, общим для нескольких поколений разночинской молодежи. Причем вера в народ, идеализация его сочетались с большой практической работой и колоссальным трудолюбием, присущим многим деятелям этой эпохи (в том числе и историкам-любителям). Без осознания этого нам сложно будет понять мотивы внезапного обращения к занятиям русской историей, археологией, этнографией (прошлым и настоящим народа) многих сотен провинциальных интеллигентов начиная с середины XIX в. Сам по себе общественный подъем 1860–1870-х гг. не означал направления интересов разночинской молодежи именно в область русской истории, но в сочетании с мощным мировоззренческим народническим комплексом идей и вновь созданными организационными возможностями русской науки привел именно к такому результату.

Рассматривая психологические основы личности молодого разночинца той эпохи, мы должны обратить особое внимание на два момента. Во-первых, он чувствовал себя в обществе человеком безродным, бедным, незащищенным и одиноким изгоем. Русская классическая литература дает нам много

образов людей такого типа (со своеобразным комплексом неполноценности). Именно отсюда массовая тяга местной интеллигенции в разного рода научные общества и ученые учреждения типа губернских статистических комитетов, широко развернувших свою работу в это время. Такого рода общества были своеобразной отдушиной для этих людей, полуофициальной защитой от окружающего невежества.

Второй важный момент – это малая численность всего надкрестьянского социального слоя общества в пореформенной провинциальной России. Достаточно типичен для средней полосы России социальный состав населения Пензенской губернии. В 1880 г. в ней проживало 1 337 155 человек обоего пола, причем в городах – лишь 183 543 человека. Потомственных дворян в губернии насчитывался 3891 человек, приходского духовенства – 7689 человек. В составе городских сословий было 3398 почетных граждан, 2472 человека относились к купечеству, 54 725 – к мещанству [5, л. 1 об., 2, 2 об.]. Крестьянство здесь составляло значительное большинство населения. То есть тот народ, изучением которого активно занялись местные интеллигенты, был вокруг них практически везде. Характерно, что самым значительным массово грамотным сословием в губернии (как и в большинстве других великорусских губерний) было приходское духовенство. Представители именно этого сословия станут важнейшей опорой на местах, в уездах и волостях, первых массовых научных учреждениях в России XIX в. – губернских статистических комитетах.

Другой важной социальной основой формирующейся местной интеллигенции стало учительство. В той же Пензенской губернии к началу XX в. насчитывалось 966 начальных школ (земские, церковно-приходские школы и школы грамоты), в которых трудились 2 тыс. учителей. Социальный состав народных учителей показывает, что это были в основном выходцы из семей крестьян, низшего духовенства и мещан [6, с. 146–147]. Отметим огромное воздействие системы духовного обучения на формирование учительства той эпохи и в целом на процесс обучения и воспитания детей. Важно реально представлять себе и достаточно низкий образовательный и культурный уровень подавляющей массы учительства. Гимназии, где уровень преподавания был значительно выше, существовали, как правило, лишь в губернских городах, но и там научной работой занимались единицы. Тем не менее, по сравнению с предыдущим периодом, это было значительным шагом вперед. Это – своеобразные социальные и идейные предпосылки для распространения исторической науки в русской провинции.

Важным благоприятным фактором стали и изменения в развитии исторической науки. Русская историческая наука сделала в это время мощный рывок вперед, хотя мы должны отчетливо представлять себе, что развивалась она в трех-четыре университетских центрах. По мнению В. О. Ключевского, русское историческое изучение переживало в 1850–1860-х гг. глубокий перелом. В своем дневнике 28 мая 1868 г. молодой ученый отметил: «Наука русской истории стоит на решительном моменте своего развития. Она вышла из хаоса более или менее счастливых, но всегда случайных, частных, бессвязных, часто противоречивых взглядов и суждений. В ее ходе открылся основной смысл, связавший все ее главные явления, части, остававшиеся доселе разорванными. С этого момента и начинается развитие науки в собственном смысле...» [7, с. 290] .

Большую роль сыграли преобразования университетской системы. К 1862 г. произошла замена примерно половины состава преподавателей и профессоров университетов России [8, с. 128]. На смену «окаменелостям» николаевского режима пришли молодые талантливые профессора, зачастую с ярко выраженной либеральной или демократической нацеленностью (Н. И. Костомаров, А. Н. Бекетов, Б. Н. Чичерин, А. П. Щапов, А. Н. Пыпин и другие). Многие из них стали умелыми организаторами научных обществ при университетах, активными деятелями Русского географического общества, испытали влияние идей славянофилов, поставивших вопрос об изучении национального своеобразия истории России, народной жизни в целом. Серьезно изменилась тематика исторических исследований.

Отличительной чертой развития русской историографии тех десятилетий А. Н. Пыпин считал стремление исследователей раскрыть народную сторону истории – роль народа в создании государства и судьбу народа в новейшем государстве. Такого рода научный интерес к народной тематике, по его мнению, развивался параллельно с ходом крестьянской реформы и общественным интересом к ней, а также в связи с быстрым ростом науки в целом [9, с. 171]. Хочется отметить, что тема народа стала тем узлом, в котором сошлись интересы писателей и историков, географов и языковедов, гуманитариев самых разных направлений. Безусловно, это помогало ученым более глубоко осмыслить эту проблематику.

Важной предпосылкой для развития исторической науки в изучаемый период стал быстрый рост книгоиздания, периодики в центре и на местах, увеличение числа библиотек и книжных магазинов. Так, в 1860 г. в России вышло свыше 2 тыс. названий книг, в 1867 г. – 3,4 тыс., в 1877 г. – более 5,4 тыс., а в 1895 г. – более 11,5 тыс.

По-прежнему важнейшим источником духовной пищи для образованных людей в провинции оставалась периодическая печать. Если в 1859 г. в России выходило 280 периодических изданий, в 1872 г. – 378, в 1882 г. – 554, то в 1895 г. – уже 841 [10, с. 213, 214, 216]. В России вырос массовый читатель в лице провинциальной интеллигенции. С 1890-х гг. начался бурный рост читателей из широкой народной среды. Губернские города стали крупными издательскими центрами и обеспечивали определенного рода литературой и периодикой свои губернии.

Кроме периодики, оказывавшей значительное влияние на мировоззрение провинциальной интеллигенции, появились более широкие возможности взять нужную книгу в библиотеке или приобрести ее даже в небольшом городе, хотя ассортимент книжных лавок в уездных центрах был по-прежнему небогат и ориентирован прежде всего на грамотные низы общества. В 1830 г. президент Императорского Вольного экономического общества граф И. С. Мордвинов выступил с предложением «...о создании в провинции публичных библиотек», так как он считал их одним из средств распространения просвещения и поднятия промышленности и сельского хозяйства. К 1887 г. в 659 городах Европейской России насчитывалась уже 591 библиотека [10, с. 215].

В Пензе первая публичная библиотека была открыта 20 декабря 1837 г.: «Библиотека состоит под главным заведованием гражданского губернатора. Попечителем библиотеки избран статский советник Александр Григорьевич Киселев. Должность библиотекаря поручена титулярному советнику Вотопе-

тову... Ныне (1838 г. – В. П.) библиотека заключает в себе 434 названия – 1218 томов книг...» [11, л. 208 – 208 об.]. В конце XIX в. в Пензе насчитывалось три государственных и пять частных типографий, а также девять публичных и семь частных библиотек [12, с. 5, 6].

Знание означало благо для рационалистически настроенной разночинной русской интеллигенции тех лет. Овладение знанием означало также для интеллигента необходимость этим знанием поделиться. Просветительская нацеленность мировоззрения широких слоев интеллигенции, стремление не изолироваться в своем социальном кругу, а активно служить народу своими знаниями – все это серьезно помогло провинциальным любителям-историкам, археологам, этнографам в сборе нужной информации у местных крестьян. Решимость отдаться научной работе диктовалась у многих образованных людей той эпохи теми же мотивами, что и решимость революционных народников идти в народ. Идеи служения народу, сформировавшиеся в 1880-е гг. в популярную теорию «малых дел», овладели значительными слоями учащейся молодежи.

Как вспоминал русский историк А. А. Кизеветтер, «...призыв к малым делам, но ради больших результатов» диктовался велениями правильно понятого гражданского долга. «Мысль о том, что путь к большим результатам лежит через упорную работу в области малых дел – капля долбит камень! – превозобладала в поколении восьмидесятников...» [13, с. 169].

Таким образом, создавалась благоприятная общественная атмосфера для любительской и общественной деятельности местной интеллигенции, деятельности, выходящей за пределы основного круга профессиональных обязанностей. Увлеченность наукой (на любом уровне, даже самом примитивном) оценивалась обществом как высоконравственное явление.

В условиях консолидации местной интеллигенции вокруг почти повсеместно созданных в губернских центрах ученых обществ и статистических комитетов, а также земств, провинциальная интеллигенция стала ощущать некоторое отличие своих собственных целей и интересов от интересов столичной интеллигенции. Да это и понятно, мы должны хорошо представлять значительные расхождения между европейским уровнем развития науки в университетских центрах и удручающе низким состоянием общественно-исторической мысли в российской провинции.

Стоит согласиться и с философским анализом ситуации в стране, проделанным в начале XX в. русским философом Н. А. Бердяевым. По его мнению, Россия совмещала тогда в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего Средневековья до самых вершин мировой культуры [13, с. 67].

Своеобразным преломлением идей народничества в исторической науке стала концепция «областной» (или местной) истории Афанасия Прокопьевича Шапова (1831–1876) [14, с. 760]. Основным содержанием русской истории он считал «саморазвитие» областей, их самообразование путем колонизации. Отсюда необходимость изучать самодеятельность народа в русской истории, внутреннюю организацию этой самодеятельности. Местная история провозглашалась не просто предметом, достойным изучения, а предметом – важнейшим в русской истории. По мысли Шапова, общество начинается с «малых кругов», внутренне самобытных и в себе законченных миров сельских и городских (тоже внутренне самобытных и в себе законченных), кото-

рые объединены в единый областной земский мир, который через центр распространяется во всенародный русский земский мир [15, с. 16–17]. Это – идеал шаповского политического устройства России. Вряд ли он вызывал горячие симпатии широких масс провинциальной интеллигенции, в подавляющей своей массе весьма законопослушной и лояльной к власти. Их привлекали научно-практические рекомендации, следовавшие из этой теории. Знакомясь с русской историей по Н. Г. Устрялову и Н. М. Карамзину, они, вслед за Шаповым, также недоумевали, отчего в их историях не видно нашей сельской Руси, истории простого народа. Установка Шапова на конкретно-историческое и этнографическое изучение прошлого и настоящего отдельного села, волости, уезда и в конце концов всей области была принята широкими массами русской провинциальной интеллигенции как призыв к действию. Безусловно, большинство из них о Шапове даже не слышали, а формировали свой идейный багаж опосредованно – через губернскую периодическую печать, тон в которой в этом отношении задавали руководители и активисты губернских статистических комитетов, хорошо знакомые с идеями Шапова.

Обращение местной истории к темам народной жизни, стремление дать народную историю в краевом разрезе чрезвычайно обогатило тематику и резко увеличило круг авторов в каждой губернии. Внезапно оказалось, что источником для археологической, исторической, этнографической статьи (по образцам, уже напечатанным в местной периодике) может служить живое окружение каждого образованного и даже полуобразованного человека. Сельские священники, учителя, врачи, юристы, волостные писари, чиновники, купцы в значительных количествах начали составлять сводки внешнего фактического материала по истории в связанной повествовательной форме. Таким образом, историописание в русле местной (провинциальной) русской истории становится специфически характерным направлением исторического изучения, едва ли не самым распространенным любительским занятием провинциальной интеллигенции во многих областях России.

Подведем некоторые итоги. Интерес к истории местного края сформировался как культурная традиция во многих губерниях России к 1860-м гг. Провинциальная интеллигенция, разночинная по своему происхождению, формируется в этот период в весомую социальную группу, объединенную общими мировоззренческими установками. Именно в составе этой группы появляются в широких масштабах (по меркам того времени) во всей России историки-любители, консолидирующиеся в каждой губернии вокруг губернского статистического комитета, а затем губернской ученой архивной комиссии. Думается, что именно с них началось формирование краеведческого движения в России.

Идейное воздействие народничества на этот круг людей выразилось прежде всего в обращении их к народной истории и этнографии данного региона. Происходит обновление местной тематики исследований. Интересы русской провинциальной интеллигенции нашли яркое отражение в деятельности самобытного российского историка А. П. Шапова. Созданная им концепция «областничества» послужила теоретическим обоснованием для занятий местной историей множества русских историков-любителей.

Изучение данной проблемы открывает для современных историков весьма широкие перспективы, так как российская провинция XIX в. и по сей

день является малоизученной. Весьма продуктивным в этом направлении нам видится исследование влияния университетских историков на формирование краеведческих знаний в российской провинции. Незначительное количество работ современных историков посвящено губернским статистическим комитетам и ученым архивным комиссиям, которые были первыми организаторами краеведческого движения в России, их изучение откроет новые страницы для отечественной историографии. Практически отсутствуют серьезные научные исследования об отдельных краоведах-любителях, внесших значительный вклад в формирование исторических знаний в российской провинции.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. – СПб., 1835. – Т. XII, № 10303, § 31; № 10304, § 86–96.
2. **Веселовский, Б. Б.** История земства / Б. Б. Веселовский. – СПб. : Наша жизнь, 1911. – Т. 3.
3. **Бестужев-Рюмин, К. Н.** Современное состояние русской истории как науки / К. Н. Бестужев-Рюмин // Московское обозрение. – М., 1859. – Кн. 1.
4. **Франк, С. Л.** Этика нигилизма / С. Л. Франк // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909.
5. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 1 об., 2, 2 об.
6. **Гошуляк, Л. Д.** Становление и развитие системы народного образования в Пензенской губернии / Л. Д. Гошуляк // Очерки истории народного образования Пензенского края. – Пенза, 1997.
7. **Ключевский, В. О.** Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1990. – Т. 9.
8. **Эймонтова, Р. Г.** Профессора старые и новые на рубеже 50–60-х годов XIX в. / Р. Г. Эймонтова // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М., 1981.
9. **Пыпин, А. Н.** История русской этнографии / А. Н. Пыпин. – СПб. : Тип. И. Д. Сытина, 1891. – Т. 2.
10. **Лейкина-Свирская, В. Р.** Русская интеллигенция в 1890–1917 годах / В. Р. Лейкина-Свирская. – М. : Мысль, 1981. – 285 с.
11. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597, 4918, 5058, 6209, 6758.
12. **Попов, В. П.** Столетие типографии Пензенского губернского правления (1804–1904) / В. П. Попов. – Пенза : Тип. губернского правления, 1904. – 83 с.
13. **Кизеветтер, А. А.** На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914) / А. А. Кизеветтер. – Прага, 1919. – 270 с.
14. **Щапов, А. П.** Сочинения / А. П. Щапов. – СПб., 1906. – Т. 1.
15. **Щапов, А. П.** Новая эра / А. П. Щапов // Собрание сочинений. Дополнительный том. – Иркутск, 1937.

References

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). Sbranie pervoe* [Complete collection of legislation of the Russian Empire. The first collection]. Saint-Petersburg, 1835, vol. XII, no. 10303, § 31; no. 10304, § 86–96.
2. Veselovskiy B. B. *Istoriya zemstva* [History of the zemstvo]. Saint-Petersburg: Nasha zhizn', 1911, vol. 3.
3. Bestuzhev-Ryumin K. N. *Moskovskoe obozrenie* [Moscow review]. Moscow, 1859, bk. 1.
4. Frank S. L. *Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsii* [Landmarks: collected articles on the Russian intelligentsia]. Moscow, 1909.
5. *GAPO*. F. 9. Op. 1. D. 428. L. 1 ob., 2, 2 ob.

6. Goshulyak L. D. *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Penzenskogo kraya* [Essays of the history of public education in the Penza region]. Penza, 1997.
 7. Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 volumes]. Moscow: Mysl', 1990, vol. 9.
 8. Eymontova R. G. *Problemy istorii russkogo obshchestvennogo dvizheniya i istoricheskoy nauki* [Problems of history of the Russian public movement and historical science]. Moscow, 1981.
 9. Pypin A. N. *Istoriya russkoy etnografii* [The Russian ethnographic history]. Saint-Petersburg: Tip. I. D. Sytina, 1891, vol. 2.
 10. Leykina-Svirskaya V. R. *Russkaya intelligentsiya v 1890–1917 godakh* [The Russian intelligentsia in 1890–1917]. Moscow: Mysl', 1981, 285 p.
 11. *GAPO*. F. 5. Op. 1. D. 1597, 4918, 5058, 6209, 6758.
 12. Popov V. P. *Stoletie tipografii Penzenskogo gubernskogo pravleniya (1804–1904)* [100th anniversary of the Penza Governor's printing house]. Penza: Tip. gubernskogo pravleniya, 1904, 83 p.
 13. Kizevetter A. A. *Na rubezhe dvukh stoletiy (vospominaniya 1881–1914)* [At the turn of two centuries (memories of 1881–1914)]. Praga, 1919, 270 p.
 14. Shchapov A. P. *Sochineniya* [Works]. Saint-Petersburg, 1906, vol. 1.
 15. Shchapov A. P. *Sobranie sochineniy. Dopolnitel'nyy tom* [Collected works. Additional volume]. Irkutsk, 1937.
-

Первушкин Владимир Иванович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, краеведения
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vip57-57@mail.ru

Pervushkin Vladimir Ivanovich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of Russian history, local
history and history teaching technique,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94(47.08) «1830/1899»

Первушкин, В. И.

Общественно-политические предпосылки формирования исторических знаний в российской провинции в 1830–1890-е гг.: перспективы изучения проблемы / В. И. Первушкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 23–32.